

РЕЧЕВОЙ АКТ УГРОЗЫ В ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЯХ К ВЫСОКО КОНФЛИКТОГЕННОМУ ТЕКСТУ

Н.И. Миронова

В комментариях к тексту, вызвавшему у целевой аудитории сильные негативные эмоции, присутствуют как угрозы-предупреждения, так и угрозы-наказания, в которых угроза выражена имплицитно или эксплицитно; прямо или косвенно. Отмечено отсутствие указания на субъекта и объект угрозы или их обобщенный характер, отличие субъекта угрозы от автора комментария, а также отсутствие у менасивного речевого акта перлокутивного эффекта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: тексты СМИ, интернет-комментарии, речевая агрессия, агрессивные речевые акты, речевой акт угрозы

МИРОНОВА Наталия Изыславовна – доктор филологических наук, и.о. зав. лабораторией фонетики и речевой коммуникации филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник. mironnat@rambler.ru

Цитирование: Миронова Н.И. Речевой акт угрозы в интернет-комментариях к высоко конфликтному тексту [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2022, № 3. – С. 57–72 . Режим доступа: www.tverlingua.ru

SPEECH ACT OF A THREAT IN THE INTERNET COMMENTS TO A HIGHLY CONFLICTOGENIC TEXT

Nataliya I. Mironova

In the comments to the text that caused strong negative emotions in the target audience, there are both threats-warnings and threats-punishments, in which the threat is expressed implicitly or explicitly; directly or indirectly. It is noted that there is no indication of the subject and object of the threat or their generalized nature, the difference between the subject of the threat and the author of the commentary, as well as the absence of a perlocutionary effect in the menasive speech act.

KEY WORDS: media texts, Internet comments, conflictogen, verbal aggression means, aggressive speech acts, speech act of a threat

MIRONOVA Nataliya I. – DSc in Philology, Acting Head of the Laboratory of Phonetics and Speech Communication of the Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University, Senior Researcher. mironnat@rambler.ru

Citation: Mironova N.I. Speech act of a threat in the Internet comments to a highly conflictogenic text [Electronic resource] // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2022, № 3. – P. 57–72. Access mode: www.tverlingua.ru

Введение

Интернет-комментарий (отклик, фидбэк, дискурс реагирования) определяется как «короткое сообщение, выражающее мнение читателя о различном исходном материале» (Щипицина, 2015: 528). Отмечается особая социальная значимость интернет-комментариев. Их содержание изучается в рамках дискурса общественного мнения (ДОМ), поскольку, по словам Н.А. Красильниковой (Красильникова, 2011: 136), они представляют собой форму выражения общественного мнения «в реальном времени в совокупности содержания высказывания с экстралингвистическими факторами и персональными особенностями коммуникантов». Комментарии выступают «существенным индикатором политической и социальной активности населения»; позволяют оценить способ «самовыражения личности в интернет-пространстве» (Гималетдинова, Довтаева, 2020: 42). В числе особенностей интернет-комментариев Г.К. Гималетдинова и Э.Х. Довтаева называют «спонтанность, диалогичность, экспрессивность и лаконичность». При этом «доказано, что отрицательная оценочность и негативная эмоциональность присущи комментариям к политическим статьям, а положительная оценочность и позитивная эмоциональность – к статьям культурной тематики» (Там же: 43).

Предмет и задачи анализа

Объектом нашего анализа стали комментарии к тексту (Королева, электронный ресурс), опубликованному на сайте информационного агентства URA.RU 1 ноября 2021 г.:

МИНФИН НАДЕЕТСЯ НА РЕЗКОЕ ВЫМИРАНИЕ ПЕНСИОНЕРОВ. ЗАЯВЛЕНИЕ ДЕПУТАТА ГОСДУМЫ

Власти России ожидают резкого сокращения числа пенсионеров, считает Михаил Делягин. Зампредседателя комитета Госдумы по экономической политике Михаил Делягин заявил, что заложенное в бюджет сокращение финансирования здравоохранения обеспечит фактическое убийство властями еще большего числа россиян. По его словам, Минфин недооценил живучесть пенсионеров. Расходы на соцполитику в 2022 году сократятся на 9,6%. К 2024 году их снижение составит 8,2%. «Динамика пенсионных расходов иная: их (пенсионных расходов) реальное сокращение относительно уровня 2021 года вырастет с 8,3% в 2022 до 13,6% в 2024 году», — заметил Делягин в своей статье, которая опубликована на сайте Московского городского отделения КППФ. По словам депутата, Минфин недооценил живучесть пенсионеров. «При заложенном в бюджет 2021 года сокращении доли пенсионных расходов с 18,9% в 2018 году до 15,0% реальные расходы по этой статье за январь—август снизились лишь до 16,5%», — уточнил он. Ранее URA.RU сообщало, что власти РФ ожидают сокращения числа пожилых граждан, которое началось после запуска пенсионной реформы и во время пандемии COVID. Согласно прогнозу соцэкономразвития страны, в текущем году количество пенсионеров сократится на 400 тысяч человек, а в следующем — на 326 тысяч.

Текст – источник комментариев содержит жизненно важную для целевой группы (людей среднего и старшего возраста) информацию негативного характера: о сокращении пенсионных и других расходов и о прогнозируемом на ближайшие годы вымирании сотен тысяч пенсионеров. Он выступает как конфликтоген (Цой, электронный ресурс), провокативный фактор, и вызывает агрессивную реакцию респондентов. Л.Н. Цой определяет конфликтоген как любое слово или действие, могущие привести к возникновению конфликтной ситуации и перерастанию ее в конфликт. Но для того, чтобы вызвать ответную агрессивную реакцию, необходим триггер (англ. trigger) – «спусковой крючок», внешний стимул, который запустил какое-либо действие, реакцию или событие (Кондратенко, электронный ресурс). В качестве триггеров в тексте выступают фразы, передающие идеи о сокращении различного рода расходов на социальные нужды, в том числе пенсионных расходов, и о прогнозируемом вымирании / недооцененной «живучести» пенсионеров и пр., вызывающие агрессивную реакцию: именно эти идеи вызывают наибольшее количество комментариев. В этом

небольшом тексте сконцентрированы самые разные приемы речевого воздействия на читателя; подробнее см. (Миронова, 2022).

Огромное количество средств негативной оценки в комментариях можно рассматривать сквозь призму средств речевой агрессии.

В комментариях используются разнообразные агрессивные речевые акты, или (в формулировке Ю.В. Щербининой), жанры. Вслед за М.М. Бахтиным она определяет речевой жанр как «относительно устойчивый тематический, композиционный и стилистический тип высказываний, регулярно повторяющийся в разных ситуациях общения». Автор выделяет следующие основные жанры речевой агрессии (Щербинина, 2012: 218): оскорбление; враждебное замечание; угроза; грубое требование и грубый отказ; возражение (протест); порицание (обвинение, упрек); нотация; насмешка; жалоба – 1 (донос); жалоба – 2 (литония); клевета; сплетня. Но объектом исследования автора, выделившего эти агрессивные речевые акты, была устная разговорная речь в условиях непосредственного общения. Несмотря на то, что многие ее черты просматриваются и в интернет-комментариях, их форма остается письменной, а общение – дистантным, опосредованным. Поэтому не все выделенные Ю.В. Щербининой речевые акты будут релевантными для нашей ситуации; будут иметь свои особенности и способы их реализации.

Анализ агрессивных речевых актов

В интернет-комментариях к рассматриваемому нами тексту присутствуют следующие типы агрессивных речевых актов (во всех примерах авторские орфография, пунктуация, а также супраграфемные и синграфемные средства сохранены): оскорбление: *прыщ на неудобном месте; раскормленные рожки; сволочи; куда ни ткни одни дормоеды; паразиты, наживаются на пенсионерах!*; враждебное замечание: *боже, какая циничность; позор; позорище; ненавижу*); злопожелание: *дай Бог им не дожить до пенсии по 10 колено; надеюсь, им всем воздастся по делам их*; грубое требование: *Надо всех депутатов, которые проголосовали за такое*

бюджетное финансирование здравоохранения не финансировать!!!; Посадить думу, пфр, минфин на нашу пенсию в 12.50; грубый отказ, протест: Не дождутся. Надеемся еще и их пережить; Пусть минфин не надеется, мы не вымрем, русские не сдаются; Назло буду жить еще 20 лет, а может больше; обвинение: чинуши обнаглели; воруют; метод расчета пенсий это обдираовка; люди, вы там совсем с катушек съехали?; насмешка: спасибо за мою беспокойную старость; я давно подозревал, что COVID 19 был создан в мрачных подвалах Пенсионного фонда; жалоба (литания): Всю жизнь работай, плати налоги, сдохни до пенсии..(; Уже похоронили. Конечно, кому мы нужны? Отработали свое, и харэ. Ваше время истекло.

Еще одним видом агрессивного речевого акта является **угроза** – менасивный речевой акт, который и стал объектом нашего внимания.

Анализ речевого акта угрозы (менасивного речевого акта)

Угроза в Словаре русского языка определяется так: «1. Обещание причинить какое-либо зло, неприятность; 2. Возможность, опасность какого-либо бедствия, несчастья, неприятного события»; Тот, кто (или то, что) может причинить зло, неприятность» (Евгеньева, 1999: 462).

Более развернутое и конкретизированное определение дается в Большом энциклопедическом словаре: **угроза** – «высказанное в любой форме намерение нанести физический, материальный или иной вред общественным или личным интересам. Наиболее опасные виды угрозы – убийство, нанесение тяжких телесных повреждений или уничтожение имущества – образуют специальные составы преступления и караются в уголовном порядке» (БЭС: электронный ресурс).

Согласно теории речевых актов, которая за единицу коммуникации принимает не предложение, а выполнение определенного действия, все речевые акты, в том числе агрессивные, помимо локутивного, можно рассматривать в иллокутивном и перлокутивном аспекте. **Иллокутивная сила** агрессивных речевых актов заключается в реализации коммуникативного намерения говорящего, т.е. в выражении оскорбления,

обвинения, насмешки, угрозы и т.д.; а **перлокутивная сила** – в воздействии на поведение адресата высказывания, в достижении определенного последующего эффекта, например, боязни наказания (Кобозева, 1986; цит. по Балова и др., 2015: электронный ресурс).

А.Н. Баранов угрозы как речевые действия (речевые акты) подразделяет на два основных типа: угрозы-наказания и угрозы-предупреждения (Баранов, 2013: электронный ресурс). По его словам, «Угрозы-наказания реализуются в ситуациях, когда адресат сделал что-то нежелательное для говорящего и он предупреждает адресата о наказании, которое за это последует». Автор предлагает следующий способ истолкования угрозы-наказания: *«X угрожает/грозит Y-у, что сделает P = 'X говорит Y-у, что сделает P – нечто плохое для Y-ка, из-за того, что Y сделал что-то плохое X-у (=Q), чтобы Y боялся P и осознал, что нехорошо делать плохое для X-а (в том числе и Q) и не делал это в будущем'»*.

Угроза-предупреждение «используется в тех случаях, когда говорящий понимает, что адресат может совершить нечто нежелательное для него (или связанных с ним лиц) и пытается предотвратить это» (Баранов, 2013: электронный ресурс). Истолкование угрозы-предупреждения выглядит так: *«X угрожает/грозит Y-ку, что сделает P, (чтобы Y не делал Q) = 'X говорит Y-ку, что сделает P – нечто плохое для Y-ка, если Y сделает Q – что-то плохое для X-а, чтобы Y боялся P и из-за этого не делал Q'»*.

Как разновидность угрозы-предупреждения А.Н. Баранов рассматривает угрозу-понуждение, которая реализуется в ситуации, «когда говорящий хочет от адресата не бездействия (отказа от совершения поступка), а действия». Такая угроза, с точки зрения говорящего, часто преследует интересы адресата: *Если не сделаешь уроки, не пойдешь гулять!*

В случае интернет-комментариев на высоко конфликтогенный текст, содержащий информацию о небенефактивных для целевой аудитории

предпринятых, запланированных или спрогнозированных действиях, мы, в основном, имеем дело с угрозой-наказанием, используемой в том случае, когда негативное действие адресатом угрозы уже совершено; угрозы предупреждения встречаются редко.

В работах лингвистов, посвященных анализу менасивных речевых актов (Балова и др., 2015: электронный ресурс; Баранов, 2013: электронный ресурс; Шахматова, 2015; Щербинина, 2012; Юрина, Доронина, 2021 и др.), намечены разные подходы к их анализу.

Различают **эксплицитные** и **имплицитные** менасивные речевые акты (Шахматова, 2015: 286; Юрина, Доронина: 2021 и др.). Если при эксплицитном выражении менасивного речевого акта его коммуникативная интенция обозначена четко, то «при имплицитном базисная иллокутивная сила нейтрализуется вторичной иллокутивной силой» (Эпштейн, 2009; цит. по Шахматова, 2015: 286). Примеры имплицитного выражения угрозы приводят также Е.И. Юрина и С.В. Доронина (Юрина, Доронина, 2021: 20): *Продай свой голос – ЖДИ, к тебе идут! Скупщиков голосов уже допрашивают!* В этом примере угроза представляет собой «опущенный член энтимемы, выражающей неотвратимость наказания: если допрашивают скупщиков выборных голосов, то допросы ждут и сторону, осуществившую их продажу».

С авторами согласна и Ю.В. Щербинина, которая утверждает, что угроза может принимать скрытую форму, если построена на принципах косвенного речевого воздействия: умолчания (*Считаю до трех раз: раз, два...*); особой интонации (*Делаю тебе после-е-е-еднее замечание*); риторического вопроса (*Ждешь, чтобы я совсем разозлилась?*). Сюда же автор относит враждебный намек (*Еще немного – и терпение мое лопнет*) и иносказание (Щербинина, 2012: 225). Угрозы в скрытой форме могут содержать также напоминание о статусе угрожающего, его опыте поведения в аналогичных ситуациях, влиятельности и авторитете (*Понимаешь, с кем ты связался?!*).

Ю.В. Щербинина подразделяет **эксплицированные** угрозы на конкретные (*Тебя побьют мои друзья*) и обобщенно-абстрактные (*Получишь по полной!*) (Щербинина, 2012: 225), что у Е.И. Юриной и С.В. Дорониной (Юрина, Доронина, 2021) соответствует прямым и косвенным угрозам. Угроза рассматривается как **прямая**, когда будущий ущерб называется открыто, конкретизирован. О **косвенных** угрозах речь идет тогда, когда говорящий не конкретизирует будущий ущерб. В этом случае отсутствует описание характера возмездия, что свойственно угрозам и не снижает их иллюкутивной силы (Безяева, 2002; цит. по Юрина, Доронина, 2021: 20).

Как примеры прямых речевых актов угрозы авторы рассматривают высказывания типа <...> *Забастовка будет продолжаться, пока вы не уволите Супрун*. Косвенную угрозу авторы видят, например, в следующем высказывании: <...> *Даже не представляешь, что ждет тебя в новом году!* (Юрина, Доронина, 2021: 20–22):

Ниже приведены примеры менасивных речевых актов из комментариев к тексту (Королева: электронный ресурс). Авторские орфография, пунктуация, а также супраграфемные и синграфемные средства сохранены.

В комментариях представлены разные типы речевых актов угрозы: угрозы-предупреждения и угрозы-наказания. Примеров использования речевого акта **угрозы-предупреждения** всего несколько:

(1) (Г.) Не рой другому яму!

(2) (У.) <...> Кто на нас кулаками накинется – тот получит по заслугам Как там написано – Око за око зуб за зуб

(3) (П.) Я ни кого осуждать и ругать не буду, но посоветовал бы руководству нашей страны прочитать главу 25, ст.31-45 Евангелие от Матфея картину страшного Господнего суда. Там очень хорошо описывается, что человек должен сделать в своей жизни, чтобы спасти свою душу.

В первом примере угроза замаскирована под другой речевой акт – речевой акт призыва. Содержание высказываний в примерах (1) и (2) носит имплицитный характер, но легко восстанавливается на основе знания содержания использованных паремий, предполагающих наказание в случае совершения определенных действий. В первом примере используется риторическое восклицание. В третьем примере угроза-предупреждение

замаскирована под совет, содержит намек и также носит имплицитный характер. Она опирается на прецедентный текст – Евангелие о Матфея, в котором, в частности, речь идет о наказании после смерти, о страшном суде. Конкретный субъект осуществления угрозы отмечен только в примере (3), в остальных случаях он не назван. Объект угрозы носит обобщенный характер; в примере (2) это *‘(тот любой), кто’*.

В некоторых случаях в интернет-комментариях сочетаются разные типы менасивных речевых актов. В приведенном ниже примере **угроза-предупреждение** (в первом предложении) сочетается с **угрозой-наказанием** во втором и третьем:

(4) (Е.) Кто роет другому яму, сам в нее попадет! Воздастся им всем. Они думают, что не будут пожилыми, будут.....!

В первом предложении угроза носит имплицитный характер. Во втором предложении угроза эксплицирована, но является косвенной и опирается на прецедентное высказывание библейского характера, а в третьем носит имплицитный характер: речь идет о сотрудниках органов государственной власти, которым, по мнению автора комментариев, также предстоит испытать на себе все тяготы пенсионной жизни.

(5) (П.) Не желай смерти дальнему - потеряешь ближнего. Или они думают что они их близкие бессмертны?

В этом примере первое предложение представляет собой угрозу-предупреждение, второе – угрозу-наказание и носит имплицитный характер: близкие депутатов и сотрудников органов государственной власти тоже «учтены» в прогнозах о вымирании пенсионеров, их это тоже коснется. Угроза выражена в форме риторического вопроса. Субъект угрозы не указан, а объект носит обобщенный характер: поскольку номинация объекта (*они*) определяет и не конкретизированный характер словосочетания (*их близкие*).

Самый распространенный в интернет-комментариях вид менасивного речевого акта – это **угроза-наказание**, поскольку текст-объект комментариев отличается высоким конфликтогенным потенциалом и содержит

информацию о небенефактивных для целевой аудитории действиях, которые уже предприняты, пусть даже на уровне планов или прогнозов.

Во многих интернет-комментариях такая угроза в менасивных речевых актах выражена **имплицитно**:

- (6) (А.) <...> Ничего не бояться, ни Бога, ни Черта. А зря.
- (7) (С.) Перед богом все будут отвечать, там взятки не берут!!!
- (8) (С.) Ленина на Вас нет!
- (9) (Л.) Заи жгут! И греха не бояться.

Можно видеть, что в случае имплицитной формы выражения угрозы часто используются средства выразительности речи: прецедентные высказывания и имена (*Ленин*), жаргонные выражения (*заи жгут*). В примере (6) использован намек (*А зря*). Все комментарии отличаются сильным эмоциональным накалом, поскольку текст вызывает у целевой группы коммуникантов яркие негативные эмоции. Здесь тоже можно видеть примеры риторического восклицания. Субъект угрозы не назван, объект имплицитной угрозы является обобщенным, в этих примерах он выражен личными местоимениями *вы, они* (последнее опущено).

Многие комментарии носят развернутый характер; в них сочетаются менасивные акты, содержащие угрозу в **имплицитной и эксплицированной формах**:

(10) (П.) ЕСТЬ ДУХОВНЫЙ ЗАКОН:"ПОСТУПАЙ С ДРУГИМИ ТАК,КАК ТЫ ХОТЕЛ БЫ ,ЧТОБЫ ПОСТУПАЛИ С ТОБОЙ!" ТАК ВСЕ К НИМ ВЕРНЕТСЯ !ЭТОТ ЗАКОН НЕЛЬЗЯ ИЗМЕНИТЬ!С БУМЕРАНГОМ НЕ ДОГОВОРИТЬСЯ !!!

(11) (Н.) Равенство всех людей на земле заложено в генах человека.Его достоинство никто не отменял.Создавая государство человек надеялся на защиту и его помощь.Тот правитель,который в политике государства закладывает невыносимые условия существования человека как раба,будет наказан всевышним!

(12) (И.) И Аз Воздам...было сказано! Если не им, то их наследышам будет возмездие! А потом их потомки будут недоумевать, живем вроде правильно, никого не обижаем, а на нас постоянно проблемы и невзгоды валятся!

В примере (10) в первом, третьем и четвертом предложениях представлена имплицитная форма выражения угрозы; а во втором – эксплицированная, правда, в косвенной (обобщенно-абстрактной) форме. Субъект угрозы не назван, а объект выражается личными местоимениями *они* и *ты* (последнее опущено). Высокий эмоциональный накал комментария отражается в использовании автором прописных букв на месте строчных, а

также в несистемном использовании пробелов. Во всех примерах отмечаются риторические восклицания. В примере (11) тоже сочетаются разные формы выражения угрозы. В первом, втором и третьем предложениях представлена имплицитная форма угрозы, а в четвертом – эксплицированная, но в косвенной форме. Не конкретизируется само наказание и его объект (любой *правитель* при выполнении определенных условий). А в качестве субъекта наказания указывается *всевышний* – носитель высшей справедливости. Можно отметить риторическое восклицание и неверное использование пробелов – их отсутствие в необходимых местах. Пример (12) открывается прецедентным высказыванием библейского характера, содержащим угрозу в имплицитной форме, как и в третьем предложении комментария. Второе предложение содержит эксплицированную угрозу в косвенной форме; обращает на себя внимание использование нелитературной формы слова *наследышам*, имеющего негативную коннотацию за счет отклонения от нормы литературного языка. Так же, как и в предыдущем примере, различаются субъект осуществления угрозы и адресант сообщения. Субъектом наказания «назначен» более могущественный, чем адресант сообщения, субъект – *всевышний*, обладающий большими возможностями для наказания адресата, объекта угрозы, чем автор комментария, и занимающий по отношению к ним обоим максимально высокое положение. Все высказывания имеют форму риторического восклицания.

В числе примеров менасивных речевых актов, где угроза выражена **эксплицированно**, наибольшее количество – это **косвенные**, или обобщенно-абстрактные угрозы, в которых угроза не конкретизирована. Пример (13) содержит намек, а пример (16) замаскирован под призыв:

(13) (П.) Очень плохо – БОХ НАКАЖЕТ! Или еще кто!

(14) (В.) Когданибудь им всем воздастся, за их деяния, верю в это!

(15) (О.) давно поставила себе задачу отомстить государству. Пока получается чего и вам желаю

(16) (В.) <...> Доживем до ста лет – отомстим пенсионному фонду

Но встречаются и **прямые** угрозы:

(17) (Л.) Я решила разорит пенсионный фонд! Вот так то вот! (

(18) (С.) Пенсионеры надеются на резкое вымирание минфина.

Угроза в интернет-комментариях в случае крайне враждебного настроения автора может **сочетаться** с другими агрессивными речевыми актами, например, с грубым отказом (19), обвинением (20), оскорблением и обвинением одновременно (21) и др.

(19) (И.) Зло наказуемо в двойне, бумеранг ударит больно и по его родным и близким, а МЫ ПЕНСИОНЕРЫ, вами закаленные живы и БУДЕМ ЖИТЬ на зло всем чиновникам!!!

(20) (Т.) Вот и дождалась, цинично устроили людям пенсионного возраста «естественную убыль». Но не радуйтесь, оно ведь как аукнется, так и откликнется

(21) (П.) Паразиты, наживаются на пенсионерах! Им всем воздастся за их деяния

Выводы

Наш анализ показал, что в интернет-комментариях встречаются разные типы менасивных речевых актов: и угроза-предупреждение, и угроза-наказание, причем предпочтение отдается последним; менасивный речевой акт может употребляться как сам по себе, так и в сочетании с другими агрессивными речевыми актами (грубого отказа и требования, оскорбления, обвинения, злопожелания). Угроза может выражаться имплицитно и эксплицитно; «наказание» может быть выражено прямо или косвенно, обобщенно-абстрактно.

На характер комментариев оказывает определяющее влияние коммуникативная ситуация их создания /порождения. Непосредственная коммуникация между субъектом и объектом угрозы отсутствует, при этом комментарии доступны широкому кругу пользователей Интернета. Целью автора комментария может быть не только угроза лицам и организациям, совершившим, запланировавшим или прогнозирующим небенефактивные по отношению к нему лично или значимой для него социальной группе действия, но и укрепление уверенности в собственной правоте, поиск единомышленников, подтверждение с их стороны солидарности с автором. Такие особенности коммуникации определяют характер субъекта и объекта угрозы, а также характер используемых речевых актов, в частности, призыва.

В роли субъектов угрозы очень редко выступают сами авторы комментариев. Чаще субъект носит обобщенный характер, это

«собираательные» референты: *народ, пенсионеры* (в случае призыва). Во многих случаях это носитель высшей справедливости – *Бог, Всевышний*.

Список объектов, «мишеней» угрозы и других агрессивных речевых актов в интернет-комментариях шире упомянутых в тексте инициаторов негативных по отношению к пенсионерам действий (*депутат Д., Минфин и власти*). Объектами агрессивных речевых актов выступают не только референты, получившие номинации в тексте, но и те, которые привнесены авторами комментариев на основе их собственных знаний о мире: *депутаты* (все или конкретные лица), *президент, правитель, правительство, ПФР, Дума, страна/государство*. Интересно, что депутата Д. многие авторы комментариев относят к этой категории ошибочно, в силу поверхностного понимания смысла текста в состоянии эмоциональной напряженности, возникающем в силу эмоций злости, гнева, раздражения, возмущения и пр., которые вызывает содержание текста. Часто адресат является обобщенным, не конкретным; для его номинации используется местоимение *они* и пр. Во всех комментариях четко выражено базовое ценностное отношение «свой – чужой», т.е. противопоставление *мы – они*. Все названные объекты – лица и организации – отнесены к категории «чужих», поэтому и являются адресатами вербальной агрессии и объектами угрозы.

В некоторых комментариях менасивный речевой акт «замаскирован» под другой речевой акт, не являющийся агрессивным, например, призыв. Считается, что таким образом автор стремится уйти от возможного наказания.

В случае интернет-комментариев к тексту, опубликованному на информационном сайте, коммуникация субъекта угрозы и его объекта носит опосредованный характер, поэтому воздействие на объект угрозы, а следовательно, достижение перлокутивного эффекта, невозможно. У субъекта угрозы должны быть возможности для его осуществления: этот факт особо подчеркивает М.А. Осадчий (Шахматова, 2015: 285). Влияет на это и обобщенный характер объекта угрозы.

Следует отметить также и такие особенности менасивного речевого акта в интернет-комментариях, как обилие риторических восклицаний и прецедентных высказываний и имен.

Ссылки – References in Russian

Балова и др., 2015 – Балова И.М., Будаева Л.А., Щербань Г.Е. Речевой акт угрозы как объект лингвистической экспертизы // Сборник материалов конференции «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия». [Электронный ресурс]. URL: http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw5/balova_budaeva_sherban.html Дата последнего обращения 10.08.2022.

Баранов, 2013 – Баранов А.Н. Семантика угрозы в лингвистической экспертизе текста // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dialog-21.ru/media/1223/baranovan.pdf> Дата последнего обращения 04.08.2022.

БЭС – Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://my-dict.ru/dic/bolshoy-enciklopedicheskiy-slovar/174681-ugroza/> Дата последнего обращения 04.08.2022.

Гималетдинова, Довтаева, 2020 – Гималетдинова Г.К., Довтаева Э.Х. Сентимент-анализ читательского интернет-комментария к политическому тексту // Политическая лингвистика. – 2020. – № 1(79). – С. 42.

Евгеньева, 1999 – Евгеньева А.П. (ред.) Словарь русского языка в четырех томах. – Т.4. –М.: Русский язык: Полиграфресурсы. – 1999. – С. 462.

Кондратенко, электронный ресурс – Кондратенко М. Триггеры: что это и как их используют в психологии и маркетинге [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/615652759a79473fedd23376> Дата последнего обращения 04.04.2022.

Королева, электронный ресурс – Королева У. Минфин надеется на резкое вымирание пенсионеров. Заявление депутата госдумы. [Электронный ресурс]. URL: <https://ura.news/news/1052514470> Дата последнего обращения 15.12.2021.

Красильникова, 2011 – Красильникова Н.А. Общественное мнение как предмет когнитивно-дискурсивных исследований в сфере политической лингвистики // Политическая лингвистика. – 2011. – № 2(36). – С. 136.

Миронова, 2022 – Миронова Н.И. Средства манипулятивного речевого воздействия в публикациях информационного сайта // Военно-гуманитарный альманах: Лингвистика. – 2022.– Вып. №7. – Т. 2. – С. 28–36.

Цой, электронный ресурс – Цой Л.Н. Что такое конфликтоген [Электронный ресурс]. URL: <https://conflictmanagement.ru/chto-takoe-konfliktoген/> Дата последнего обращения 17.04.2022.

Шахматова, 2015 – Шахматова Т.С. Речевой акт косвенной угрозы в практике судебной лингвистической экспертизы // Ученые записки Казанского университета. – 2015. – Т. 157. – Кн. 5 «Гуманитарные науки». – С. 284–294.

Щербинина, 2012 – Щербинина Ю.В. Речевая агрессия. Территория вражды / Ю.В. Щербинина. – М.: Форум, 2012. – 400 с.

Щипицина, 2015 – Щипицина Л.Ю. Жанровый статус сетевого комментария // Вестник Башкирского университета. Серия: Филология и искусствоведение. – 2015. – Т. 20. – № 2. – С. 528.

Юрина, Доронина, 2021 – Юрина Е.И., Доронина С.В. Речевой акт угрозы в различных коммуникативных ситуациях // Юрислингвистика. – 2021. – № 2. – С. 19–23.

References

Balova, I.M., Budaeva, L.A., Shherban', G.E. (2015) Rechevoj akt ugrozy kak objekt lingvisticheskoj ekspertizy // *Sbornik materialov konferencii «Yazyk i pravo: aktual'nye problemy vzaimodejstviya»*. Access mode: http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw5/balova_budaeva_sherban.html (In Russian)

Baranov, A.N. (2013) *Semantika ugrozy v lingvisticheskoj ekspertize teksta*. Access mode: <https://www.dialog-21.ru/media/1223/baranovan.pdf> (In Russian)

Bolshoj enciklopedicheskij slovar'. Access mode: <https://mydict.ru/dic/bolshoy-enciklopedicheskiy-slovar/174681-ugroza/> (In Russian)

Gimaletdinova, G.K., Dovtaeva E.X. (2020) Sentiment-analiz chitatel'skogo internet-komentariya k politicheskomu tekstu // *Politicheskaya lingvistika*, № 1(79), p. 42. (In Russian)

Evgenjeva, A.P. (red.) (1999) *Slovar' russkogo yazyka v chetyrekh tomakh*, Moskva, Russkij yazyk: Poligrafresursy, v.4, p. 462 (in Russian).

Kondratenko, M. *Triggery: chto eto i kak ikh ispol'zuyut v psikhologii i marketinge*. Access mode: <https://trends.rbc.ru/trends/social/615652759a79473fedd23376> (In Russian)

Koroleva, U. *Minfin nadeetsya na rezkoe vymiranie pensionerov. Zayavlenie deputata gosdumy*. Access mode: <https://ura.news/news/1052514470> (in Russian).

Krasil'nikova, N.A. (2011) Obshchestvennoe mnenie kak predmet kognitivno-diskursivnykh issledovanij v sfere politicheskoy lingvistiki // *Politicheskaya lingvistika*, № 2(36), p. 136. (In Russian)

Mironova, N.I. (2022) Sredstva manipulyativnogo rechevogo vozdejstviya v publikacijakh informacionnogo sajta // *Voенно-gumanitarnyj al'manakh: Lingvistika*, Vyp. №7, v. 2, pp. 28–36 (In Russian)

Tzoi, L.N. *Chto takoe konfliktogen*. Access mode: <https://conflictmanagement.ru/chto-takoe-konfliktogen> (in Russian).

Shakhmatova, T.S. (2015) Rechevoj akt kosvennoj ugrozy v praktike sudebnoj lingvisticheskoj ekspertizy // *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta*, v. 157, b. 5 «Gumanitarnye nauki», pp. 284–294. (In Russian)

Shcherbinina, Yu.V. (2012) *Rehevaya agressiya. Territoriya vrazhdy*, Moskva, Forum, 400 p. (In Russian)

Shchipitcina, L.Yu. (2015) Zhanrovij status setevogo kommentariya // *Vestnik Bashkirskogo universiteta. Seriya: Filologiya i iskusstvovedenie*, v. 20, № 2, p. 528. (In Russian)

Yurina, E.I., Doronina, S.V. (2021) Rechevoj akt ugrozy v razlichnykh kommunikativnykh situatciyakh // *Yurilingvistika*, № 2, pp. 19–23. (In Russian)